

Вячеслав Чирикба

Научное наследие Владислава Григорьевича Ардзинба

Владислав Григорьевич Ардзинба по праву считается крупнейшим абхазским политиком и основателем современного абхазского государства. Именно его деятельность как общепризнанного лидера Абхазии оказала формирующее влияние на новую абхазскую нацию.

Однако не следует забывать и того, что до своей политической карьеры в научных кругах Владислав Григорьевич был известен, прежде всего, как ученый-востоковед, один из крупных мировых авторитетов в области истории, культуры и религии древних хеттов, основателей одной из самых значительных ранних мировых цивилизаций, которая оказала влияние на последующие цивилизации и культуры Древнего Востока и Южной Европы. Кроме того, Владислав Григорьевич Ардзинба являлся редким специалистом в области языка и культуры хаттов, древнего малоазийского народа, оказавшего, в свою очередь, большое влияние на цивилизацию индоевропейцев-хеттов. И наконец, Владислав Григорьевич был кавказоведом, автором ряда незаурядных работ в области кавказского фольклора и традиционной религии.

Владислав Григорьевич Ардзинба получил образование в качестве историка в стенах Сухумского государственного педагогического института (1962 – 1966 гг.). Можно определенно сказать, что с учителями Владиславу Григорьевичу повезло. В стенах СГПИ читали лекции такие крупнейшие историки-абхазоведы, как З.В. Анчабадзе, Г.А. Дзидзария, Ш.Д. Инал-ипа. Определяющую роль в выборе специализации Владислава Григорьевича сыграл профессор Шалва Денисович Инал-ипа. Владислав Григорьевич мне рассказывал, как однажды Шалва Денисович развернул перед ним карту Древнего мира и сказал: «Вот здесь было Хеттское царство. Я бы хотел, чтобы ты занялся хеттами». Именно через изучение хеттского языка и хеттской цивилизации можно было проникнуть в тайну хаттов, древних предшественников хеттов, язык которых, как полагали некоторые ученые, генетически связан с языками северо-западного Кавказа. Совет учителя оказался решающим при выборе специализации молодого историка.

По окончании института в 1966 г. Владислав Ардзинба поступает в аспирантуру Института Востоковедения АН СССР. Его научным руководителем стал известный русский филолог и культуролог Вячеслав Всеволодович Иванов, автор многочисленных работ в области хеттского языка и культуры и, в частности, автор грамматики хеттского языка. Энциклопедист и полиглот, ученый с широчайшей эрудицией, сын известного писателя Всеволода Иванова, друг Бориса Пастернака и Андрея Сахарова – такого учителя можно было только пожелать. Но Владислав Ардзинба оказался вполне достоин своего учителя, с которым его связала искренняя дружба и тесные коллегиальные отношения. В самом начале роковой войны 1992 года Вячеслав Всеволодович откликнулся на это трагическое событие публикацией в российской прессе, где он назвал Ардзинба своим любимым учеником.

Научная судьба благоволила к Владиславу Григорьевичу. С окончания аспирантуры и до своего возвращения в Абхазию он работал в крупнейшем российском научном

центре – Институте востоковедения АН ССР. Он был сотрудником сектора идеологии и культуры Древнего Востока, а затем и его заведующим. Владиславу Григорьевичу довелось работать и тесно общаться с такими крупнейшими российскими учеными-востоковедами, как М.А. Коростовцев, И.М. Дьяконов, Б.Б. Пиотровский, М. А. Дандамаев, Г.М. Бонгард-Левин, Э.А. Грантовский и многими другими. Все эти общения и контакты, несомненно, способствовали развитию Ардзинба-ученого, развивали его кругозор, оттачивали его профессиональные качества ученого-востоковеда широкого профиля.

Помимо основательного изучения хеттского языка, а также знакомства с другими древними языками – хаттским, аккадским и шумерским, В.Г. Ардзинба уже в аспирантуре осваивает английский язык – немецкий он хорошо знал еще по школе. Он также читал научные труды на французском и итальянском языках. Изучал Владислав Григорьевич и древнегреческий язык – я помню, как он поразил меня, прочитав на древнегреческом стихи поэта Анакреонта. При всем этом Владислав Григорьевич очень внимательно следил за развитием кавказоведческой науки, общался со многими кавказоведами (в частности, с М.А. Кумаховым, А.К. Шагировым, Б.Х. Бгажноковым, А.И. Абдоковым), читал всю выходившую литературу по абхазскому языку, истории, религии, а также по многим другим аспектам кавказоведения.

Самой ранней работой В.Г. Ардзинба, написанной еще в студенчестве, является обширный исторический очерк «Село Эшера», посвященный родному селу, который остался неопубликованным. Кстати, до сегодняшнего времени эта статья, сохранившаяся в личном архиве семьи Ш.Д. Инал-ипа, является единственным монографическим очерком, посвященным этому самому крупному по территории абхазскому селу. Первой же хеттологической публикацией Ардзинба стала вышедшая в тезисах статья 1969 г. «О происхождении некоторых элементов хеттской социальной структуры (АН СССР, Институт востоковедения. Конференция аспирантов и молодых научных сотрудников. Москва). За ней последовала статья «К вопросу о хеттском царе и царице-матери» (Сухуми, 1970). Уже эти первые работы молодого востоковеда отличает глубина анализа исследуемой темы, широта эрудиции и отличное знакомство с мировой литературой по изучаемой проблематике.

В 1971 г., под руководством Вяч. Вс. Иванова, В.Г. Ардзинба защитил кандидатскую диссертацию на тему «Хаттские истоки социальной организации древнехеттского общества (Функции должностных лиц с титулами хаттского происхождения)». Оппонентами были известный лингвист и хеттолог Виталий Шеворошкин и известный грузинский хеттолог Григорий Гиоргадзе. Диссертация стала серьезным историко-филологическим исследованием. Она состоит из введения, трех глав и заключения, а также приложений и списка литературы. В первой главе, «Титулы и ритуальные функции хеттского царя и царицы», автор подробно анализирует целый ряд терминов, относящихся к титулатуре высшей знати хеттского общества – хеттского царя и царицы. Установлено, что титулы Табарна/Лабарна – «царь» и Тавананна – «царица», являются хаттскими по происхождению. Ардзинба подкрепляет идею о хаттском происхождении титула Табарна/Лабарна дополнительными аргументами, привлекая хеттские контексты, в которых этот термин употребляется. Кроме того, автор находит глагольный корень **tapar**

«править, управлять» и в хаттском языке, что подтверждает его хаттский источник для хеттского.

Подробно рассматриваются автором ритуальные функции хеттского царя и царицы-тавананны, высказывается гипотеза о дуальной организации власти древнехеттского общества. Как показывает автор, в архаичных ритуалах и культовых праздниках хеттов обнаруживается дуалистическое противопоставление царя и царицы-тавананны, соотносящихся соответственно с богом Грозы и с богиней Солнца Вурусему, которые также друг другу дуалистически противопоставлены. Это доказывается, в частности, структурой святилища посвященного этим божеством, разделенного на два сакральных помещения.

Автор подробно освещает различные аспекты, касающиеся связи хеттского бога Грозы с функцией царя по обеспечению плодородия страны, благосостояния коллектива. Он показывает, что бог Грозы связан с царем и в его военной функции.

Среди должностных лиц хеттского «двора» важную роль играли придворные, имевшие титулы хаттского происхождения. Путем анализа сферы деятельности этих облеченных властью лиц, автору представилась возможным выяснить роль хаттских элементов в структуре титулов и функций должностных лиц хеттского двора. Он производит сравнительный анализ этих хаттских элементов с функциями придворных, имеющих наименования собственно хеттского происхождения. Весь материал анализируется при сопоставлении с типологически сходными ритуалами других архаичных культур, в частности, африканских. Помимо хаттского влияния на древнехеттское общество, Ардзинба останавливается и на важной роли хурритского элемента, особенно в новохеттский период.

В работе рассматривается и анализируется целый ряд хеттских социальных терминов имеющих хаттское происхождение: **katte/ti** «царь», **kattah** «царица», **wur** «страна» и др. С точки зрения изучения хаттского языка, в диссертации предложены новые для того времени интерпретации некоторых хаттских слов, их анализ и этимология. Иногда приводятся и внешние сравнения. Так, весьма интересно сопоставление им хеттского и хаттского чтения идеограммы для «вина (виноградной лозы)» **GEŠTIN**(^{GIŠ}**GEŠTIN**)- **wi** с абхазским названием вина **ԚԻ**.

В приложении автор помещает транскрипции изданных ранее в автографиях хеттских текстов, дает их русский перевод, приводит интереснейшие комментарии, включающие типологические параллели хеттским ритуалам в других архаичных традициях народов мира.

Проведенное исследование позволило автору прийти к выводу о том, что в структуре древнехеттских титулов и функций должностных лиц (традиции которой частично сохраняются и в более поздний период) прослеживается существенное влияние хаттской социальной организации. Изучение процесса складывания социальной структуры древнехеттского общества имеет важное значение для исследования общих закономерностей развития общества и государства на древнем Востоке.

К сожалению, эта неординарная работа, содержащая много новых и до сего дня не устаревших наблюдений, интерпретаций и открытий автора в области хеттской культуры, культа и социальной организации общества, а кроме того, анализ того большого влияния,

которое на все эти аспекты хеттского общества оказали язык и культура народа хатти, будучи неопубликованной, долгие годы остается практически неизвестной широкому кругу востоковедов. Готовящаяся публикация этой работы будет, вне всякого сомнения, встречена с большим интересом специалистами.

Следующей значительной работой В.Г. Ардзинба явилась монография «Ритуалы и мифы древней Анатолии» (Москва: Наука, 1982 г.), ставшая, по существу, классическим трудом в области хеттской культуры и мифологии и настоящей «настолярной книгой» для хеттологов. В этой работе, которая была защищена в 1985 г. в Тбилиси в качестве докторской диссертации, подробно описываются хеттские сезонные ритуалы совершаемые царем, в частности, многодневные сезонные праздники объезда территории царства. Во второй главе рассматриваются и анализируются характерные признаки структуры хеттского царского праздника, а в третьей главе рассматриваются функции царя, царицы и других участников ритуала. Автор развивает предложенную им еще в кандидатской диссертации гипотезу об архаичной дуальной социальной организации древнехеттского общества доклассового периода, возглавлявшегося двумя вождями-царями – мужчиной и женщиной. Позднее, в процессе развития общества и становления классовой структуры, ритуальные функции вождей и их помощников были переосмыслены и соотнесены с государственными функциями. Так чисто культовые и государственные церемонии синкретически переплетаются, формируя своеобразный характер хеттской царской власти. Ритуальный характер царских объездов территории, как пишет автор, представляет собой символический акт отделения от внешнего мира территории царства, создание вокруг него барьера от злых сил. Территория царства, таким образом, приобретала сакральный характер и воспринималась как модель Вселенной. Царь выступал в функции солнца, перемещаясь сезонно по территории царства и символизируя вращение космических тел и смену сезонов. С другой стороны, объезд территории подтверждал право собственности царя над территорией этого царства.

Автор убедительно раскрывает большое значение двоичных символов в структуре мифологического сознания хеттов, противопоставление ими правой – мирской и левой – сакральной функций. Оппозиция правого и левого, внешнего и внутреннего играли важную роль в хеттском ритуале.

Определенное место занимает в работе и анализ хаттского и хурритского влияния на традиции хеттского общества. Важным материалом, подробно анализируемым в монографии, является и описание хеттских законов и других юридических норм и предписаний, регулирующих социальные отношения в Хеттском обществе.

Монография «Ритуалы и мифы древней Анатолии» стала самым крупным и этапным произведением В.Г. Ардзинба, посвященным истории хеттского общества и его социальной организации. Богатство идей, учет мнений предшественников, предлагаемые новые трактовки и, помимо всего этого, ввод впервые в научный обиход большого количества хеттских текстов и нового хеттского материала, прочтенного автором по клинописным текстам и впервые переведенного им на русский язык – а порой это были вообще первые переводы хеттских текстов на современный язык, делают эту книгу незаменимым источником знаний о природе и функционировании хеттского общества.

Третья крупная работа В.Г. Ардзинба – «Хеттская дипломатия», также, к сожалению, осталась в рукописи, поскольку переезд в Абхазию и последовавшие драматические события не оставили ученому никакого шанса на подготовку работы к печати. Публикации мешала и научная добросовестность Владислава Григорьевича – он считал, что со времени написания работы в науку были введены новые данные, без учета которых книга является устаревшей. Эта высокая требовательность к себе свидетельствует о высочайшем уровне внутренней культуры и профессиональной совести Ардзинба-ученого.

И, тем не менее, несмотря на опасения автора, можно без всякого преувеличения сказать, что монография «Хеттская дипломатия» вовсе не устарела, как никогда не устаревают работы по-настоящему больших ученых – Б. Грозного, П. Услара, Н. Трубецкого. Этот солидный труд ныне хранится в архиве Абхазского института гуманитарных исследований. Он состоит из Введения, пяти глав и заключения. Названия глав следующие: Глава 1 «Источники и историография внешней политики Хатти», Глава 2 «Страна Хатти и ее соседи», Глава 3 «Войско Хатти», Глава 4 «Договоры Хатти» и Глава 5 «Цари, послы, писцы». Хотя большая часть текста представляет собой рукопись, а другая – машинопись, каллиграфически ясный почерк автора делает рукописный текст абсолютно прозрачным и готовым к перепечатке. И хотя автор, без всякого сомнения, при подготовке рукописи к печати внес бы в нее какие-то правки стилистического или фактического характера, в целом монография представляет собой вполне законченное, завершённое исследование, снабженное необходимыми сносками, комментариями и списком литературы. Она готова к публикации, и войдет в качестве одной из наиболее значительных и ценных частей готовящегося к изданию собрания научных трудов В.Г. Ардзинба. Кстати, одна из частей этой монографии под названием «Хеттская дипломатия» все же была опубликована в коллективном труде «Межгосударственные отношения и дипломатия на Древнем Востоке» (Москва, 1987, с. 90-131).

Помимо трех монографий, другие крупные работы В.Г. Ардзинба представляют собой обобщающие исследования. Это большой раздел «Хеттская культура, религия и искусство» в главе «Хеттское Царство и Эгейский Мир» коллективной монографии «История Древнего Востока», Часть вторая (Москва, 1988 г.), глава «История Малой Азии» в коллективном труде «История стран Востока» (Москва: Высшая школа, 1988 г.), раздел «Цивилизация древней Малой Азии» в книге «Древние цивилизации» (Москва: Мысль, 1989, с. 118-133).

Статьи и рецензии В.Г. Ардзинба посвящены следующим темам: хаттское наследие в социальной организации хеттского общества; хеттские культы, ритуалы, сакральные празднества и мифология; хеттские законы; кавказский нартский эпос; традиционная религия и мифология абхазов.

Остановлюсь несколько подробнее на небольшой интересной работе В.Г. Ардзинба, опубликованной в 1984 г., «Хурритский рассказ об охотнике Кесси» («Кавказско-ближневосточный сборник». Вып. VII. Тбилиси, с. 61-73). Этот фрагментарный текст был найден в царских архивах Хаттусы и являет собой перевод с хурритского на хеттский. По мнению Ардзинбы, рассказ напоминают истории характерные для шаманских ритуалов. В частности, во сне герой видит свою смерть, а себя съеденным.

Автор анализирует мотивы и сюжеты данного рассказа на фоне сопоставления с шаманской традицией якутов, малайцев и других народов. В заключении делается вывод о том, что данный рассказ об охотнике Кесси являет собой несомненное сходство с посвящением человека в шаманы, необходимым элементом которого является ритуальное путешествие в другой мир. Интересны приводимые автором сравнения этого рассказа с хаттской традицией противопоставления мира людей миру богов, в соответствии с которой хаттские божества имели два имени: одно – известное среди людей, а другое – среди богов. Другая интересная параллель приводимая автором – сравнение рассказа о Кесси с абхазским культом охоты, божеством охоты и зверей Ажвейпцаа, а также связанные с ними особый охотничий язык, отличающийся от языков людей.¹

Занимаясь изучением хаттских истоков социальной организации хеттского общества, В.Г. Ардзинба не мог обойти важную для него тему – происхождение хаттов. Именно в этой проблематике и крылся интерес учителя Ардзинбы – профессора Инал-ипа, когда он посоветовал своему талантливому ученику заняться хеттами. Ведь еще ранний исследователь хаттского языка, Эмиль Форрер, в работах 1919 и 1921 гг. установил неиндоевропейский характер хаттского языка и предположил его связь с абхазо-адыгскими языками. Эта же идея была предложена почти в то же время Робертом Бляйхштайнером (Bleichsteiner 1923), а затем Дьюлой Месарошем (Mészáros 1934). Главным основанием для такой гипотезы было разительное структурное сходство между этим древним языком Малой Азии, вымершим с начала II тысячелетия до н.э. и языками западнокавказской группы. Эти структурные сходства были позднее рассмотрены И.М. Дунаевской (1960), И.М. Дьяконовым (1967). В чем заключаются эти сходства? Хаттская глагольная форма содержала ряд префиксов, выражающих различные грамматические отношения (субъект, объект, ориентацию, наклонение и т.д.). Порядок этих префиксов был фиксированным, а число префиксных позиций было от 7 до 10. Схожая структура имеется и в современных абхазо-адыгских языках: от 7 до 13 фиксированных префиксных позиций. Хаттская глагольная форма могла выразить, по крайней мере, два грамматических лица путем соответствующей постановки личных префиксов, тогда как полиперсонализм характерен также и для западнокавказских языков.

¹ Продолжая отмеченный автором типологический параллелизм с абхазским охотничьим культом, хочется отметить разительное сходство хурритского рассказа о Кесси с записанным мной в 1982 г. в Абхазии рассказе об охотнике Туца. После поисков дичи в горах охотник Туца заночевал в горной пещере. Во время сна его опутали маленькие человечки, говорившие на непонятном ему языке. Они потащили его из пещеры с намерением сбросить в пропасть. Охотник пытался что-то сказать, но внезапно онемел. Появившийся из-за скалы бородатый старик (скорее всего, бог охоты Ажвейпцаа) с посохом-алабащей что-то прокричал человечкам, после чего они оставили охотника в покое. Сходными в хурритском и абхазском рассказах об охотнике являются следующие сюжеты – неудачная охота в горах (прогневанное божество делает зверей невидимыми охотнику), сон, затем смерть или близость к смерти, демоны. Отец, который в рассказе о Кесси спускается с горы и справляется, почему «едят» Кесси, в абхазском рассказе сравним с появляющимся из-за скалы старике, который что-то говорит демонам, и они Туцу отпускают. Анализируя рассказ о Кесси, в частности, сон героя, Ардзинба предполагает, что речь идет о «смерти»/путешествии души в потусторонний мир. Так же можно интерпретировать и рассказ об охотнике Туца, о чем, помимо прочего, свидетельствует и его внезапная немота, и непонятный язык пытавшихся его погубить человечков-демонов (язык потустороннего мира – ср. специальный «охотничий» язык, употребляемый охотниками во время охоты, на что обращал внимание и В.Г. Ардзинба) и некоторые др. черты.

Первая работа В.Г. Ардзинба в области сопоставления структуры хаттского и западнокавказских языков была опубликована на английском языке, в сборнике, изданном по итогам востоковедческой конференции 1974 г. в Будапеште. В расширенном виде эта чрезвычайно важная работа вышла на русском языке в 1979 г. в «Переднеазиатском сборнике». Ученый анализирует структурные сходства хаттской и западнокавказской словоформ, аранжировку иерархически расположенных префиксальных позиций.

Разительный изоморфизм в области строения глагольной словоформы, за пределами хаттского и западнокавказских языков не имеющий аналогов в Евразии, подкрепляется и другими интересными структурными параллелями. Однако, как подчеркивал сам В.Г. Ардзинба (1983: 164), «типологическое сходство, каким бы близким оно не было, не доказывает родства». В этой связи важным открытием ученого является выявление не только структурного, но и материального параллелизма между хаттским и абхазо-адыгскими языками в области аблаутных чередований. Ардзинба предлагает анализировать хаттские глагольные формы **taħa** и **tuħ** (напр. в **a-n-taħan** «то он поместил вовнутрь» и в **an-tuħ** «он взял») как содержащие локальный префикс **ta-** «внутри» и **tu-** «изнутри» и корень **ħ**. Таким образом, постулируется наличие вокалических чередований **a ~ u**, **a ~ ∅** (ноль звука), использовавшихся для передачи направления «туда» (**a**) и «оттуда» (**u/∅**). Это находит прямую параллель в абхазском: ср. пару **a-ta-c'a-ra** «класть внутрь» (локальный преверб **ta-** «внутри/внутри», корень **c'a** «класть») и **a-tə-c'-ra** «выходить из-под» (преверб **tə-** «наружу», корень **c'(ə)** «выходить»), демонстрирующие аналогичное аблаутное чередование **a/ə** в приставке, и **a/∅** в корне, которое имеет ярко выраженное противопоставление центростремительного (с огласовкой **a**) и центробежного (с огласовкой **ə/∅**) значений.² Следует заметить, что некоторые лингвисты считают, что хаттское **u** может быть фонетически интерпретировано как **ə** (см. Girbal 164). Аблаутные чередования, сходные с приведенным примером из абхазского, имеются и в других западнокавказских языках. Они представляют собой реликт, унаследованный от древнего общего языка-предка, что делает типологическое и материальное сопоставление вокалических чередований в хаттском и в западнокавказских языках вполне обоснованным.

Помимо этого, в статье рассматривается западнокавказский и хаттский параллелизм в функциях редупликации. Обсуждаются в работе и некоторые синтаксические параллели между хаттским и западнокавказскими языками (сходство в структуре простого предложения, относительная позиция прилагательного по отношению к существительному и т.д.).

Возвращается к теме абхазо-адыгско-хаттских параллелей В.Г. Ардзинба и в своих обширных послесловиях к вышедшим под его редакцией русским переводам книг Дж. Маккуина «Хетты и их современники в Малой Азии» (М., 1983, с. 152-180) и О. Герни «Хетты» (М., 1987, с. 192-222). В послесловии к первой книге автор дополняет внушительный список западнокавказско-хаттские сравнений, предложенных Вяч.Вс.

² Прямой материальной аналогией хаттской глагольной паре **taħa** и **tuħ** является абх. **ta-xa-** «оставаться внутри» (локальный преверб **ta-** «внутри/внутри», корень **xa** «оставаться») и **tə-x-** «вытаскивать, вынимать наружу» (преверб **tə-** «наружу», корень **x(ə)** «вытаскивать, снимать»), см. Chirikba (1996: 419-420).

Ивановым, собственными интересными находками. Это сопоставление хат. *šaḥi-s* «название ценной породы дерева и древесины» с празападнокавказским (ПЗК) **šxə* «каштан», хат. *tewa-(š)šine* «вид древесины» – ПЗК **tḫwə* «бук»; хат. *ḥamuruwa* «балка» – ПАБх **xwə(m)bələ* «центральная балка-мáтица в доме».³

Благодаря работам И. Дунаевской, И. Дьяконова, и в особенности Вяч.Вс. Иванова мы сейчас можем с большой долей уверенности утверждать, что связь между хаттским и западнокавказскими языками вполне вероятна. Рассматриваемая небольшая статья Владислава Григорьевича, ее аргументация и выводы также явилась одной из важных работ как в области анализа структуры, так и выявления кавказских связей давно исчезнувшего хаттского языка. Владислав Григорьевич планировал совместную работу по изучению хаттско-западнокавказских языковых связей с другим выдающимся востоковедом и кавказоведом, нашим общим другом Сергеем Анатолиевичем Старостиным, но планам этим, к сожалению, не суждено было осуществиться.

Хотелось хотя бы кратко коснуться кавказоведческих работ В.Г. Ардзинба, которые, конечно же, требуют отдельного рассмотрения. Две из них посвящены нартскому эпосу: «Нартский сюжет о рождении героя из камня» («Древняя Анатолия». Москва: Наука, 1985, с. 128-168) и «Приметы образа «пастуха» абхазских нартских сказаний» («Труды Абхазского Государственного Университета», т. 5, 1987, с. 131-135). Две другие статьи анализируют культ железа и кузнечного ремесла у абхазов: «К истории имени, функции и образа общезападнокавказского бога кузнеца» («Башкапсарский полевой археологический семинар». Тезисы докладов. 1988, с. 62-64) и «К истории культа железа и кузнечного ремесла (почитание кузницы у абхазов)» («Древний Восток: этнокультурные связи». Москва: Наука, 1988, с. 263-306).

В работе о нартском эпосе выделены основные сюжеты и мотивы основного ядра эпоса, связанного с рождением героя Сасрыквы. В другой чрезвычайно важной работе «К истории культа железа и кузнечного ремесла (почитание кузницы у абхазов)» содержится подробный анализ культа металлов и в особенности железа у хеттов и у их предшественников и во многих отношениях их учителей – хаттов. Именно хаттов считают изобретателями металлургии железа, и именно хаттское название железа – *ḥap/walki*, по авторитетному мнению Вяч.Вс. Иванова, вошло на правах культурного заимствования во многие языки мира, в том числе и в русский язык («железо»). Выделю пунктирно самые важные, на мой взгляд, моменты этой статьи – сильное культурное влияние хаттов на хеттов, связь ПЗК названия металла, железа (**ylwəłwə* «металл-железо») с хаттским *ḥap/walki* «железо» (заимствованного в хеттский), связь названий бога кузни – *ḥapš* у адыгов, *šaswə* у абхазов – с хат. *ḥašm-il* «бог-кузнец» (также заимствованного в хеттский) и с именем греческого бога кузни **Гефест/Фаистос** (**Ἥφαιστος**), ритуальная роль кузни у абхазов, сакральный характер железа в фольклоре и эпосе, почитание змеи и ее связь с культом кузни, традиционные гадания абхазов, в том числе по звездам, роль созвездия Плеяд в абхазской народной астрологии, кузнец как шаман и элементы шаманской практики у абхазов, ритуалы, связанные со встречей Нового Года и т.д.

³ Следует отметить, что учитывая наличие схожего слова в армянском, греческом, тюркских и некоторых других языках (в значении «балка» или «мост»), последний термин может иметь более широкий евразийский культурно-языковой контекст.

Значение кавказоведческих работ В.Г. Ардзинба трудно переоценить, так как они затрагивают глубокий и большой пласт фольклорного, в том числе эпического материала, а также, в целом, недостаточно хорошо изученный пласт кавказской, и в особенности, абхазской мифологии и традиционной религии. Новым для абхазской науки в исследовательском подходе Владислава Григорьевича были как сама методология исследования, так и поразительно широкий охват сравнительного материала из традиций многих архаичных культур мира.

Хочу добавить, что материал для этих статей собирался автором, в частности, в 1982 г., во время летней археологической экспедиции Абхазского института им. Д.И. Гулиа в с. Хуап, где мы под руководством Игоря Цвинария увлеченно раскапывали дольмены, а в свободное время посещали знатоков старинных обычаев и фольклора, и записывали интересующие нас сведения. Владислава Григорьевича тогда особенно интересовали ритуалы и поверья, связанные с кузней, кузнецом и металлами. Другой темой, живо его тогда занимавшей, были элементы шаманской практики, в том числе прорицателей у абхазов – **аџааџ, аџшааџ, ахалааџ.**

Во время пребывания в Хуапе мы особенно тесно общались с Миродом Гожба, удивительным народным «философом», который помогал нам в поисках информантов, хотя он и сам был прекрасным знатоком народного творчества и старинных верований. Там же в Хуапе часто бывал и молодой археолог-палеолитчик Мушни Хварцкия, раскапывавший редкий памятник палеолита Абхазии – пещеру Мачагуа, расположенную в горах недалеко от Хуапа. Все наши разговоры были тогда о судьбах Абхазии. Могли мы тогда догадываться, что через десять лет, в 1992-1993 гг., агрессия Грузии против Абхазии лишит наш народ многих ярчайших личностей и патриотов, включая и ставшими Героями Абхазии Мирода Гожба и Мушни Хварцкия, а Слава Ардзинба, как мы его тогда называли, и дружбой с которым мы все очень гордились, этот скромный, интеллигентный, обаятельный и чрезвычайно умный молодой человек станет признанным лидером Абхазии, который приведет народ к казавшейся невероятной победе над сильным и коварным врагом.

Завершая свой по необходимости краткий обзор творчества Владислава Григорьевича Ардзинба, хочу сам же задать себе вопрос – насколько знания, полученные Владиславом Григорьевичем в процессе изучения истории вымерших цивилизаций, каковыми были цивилизации хаттов и хеттов, подготовили его в определенной мере к карьере блестящего политика, военачальника и дипломата? Вполне очевидно, что к этим видам деятельности он никогда себя не готовил. И, тем не менее, бросая ретроспективный взгляд на впечатляющие результаты, достигнутые им в этих областях, можно сделать вывод, что все же внутренне он был к этому готов. Здесь, конечно, сыграли роль множество факторов, и не в последнюю очередь личные волевые качества Ардзинба-политика, его темперамент, его амбиции, его постоянная нацеленность на наилучший результат, на успех. По долгу своей профессиональной подготовки он хорошо знал, как создавались и как рушились могучие империи. И сам он принял непосредственное участие в судьбе абхазского народа, а по сути, возложил на свои плечи все бремя ответственности за его судьбу. Тот, кто не был в его ситуации, никогда не в состоянии понять полного смысла этой фразы – возложил на себя ВСЮ ответственность за

судьбу народа, с риском ошибиться, ценой чему могла быть гибель народа. Я не знаю, верил ли он в судьбу, но совершенно очевидно, что он сыграл определяющую роль в судьбе своего народа на стыке XX-го и XXI-го веков. Его решение в августе 1992 года, с учетом всех реальных рисков, все же принять бой, а не соглашаться на капитулянтский мир, изменило ход истории и Абхазии, и ход истории Грузии, и, несомненно, определенным образом повлияло и на судьбу всего Кавказа в целом.

Можно много рассуждать и спорить о том, насколько и в какой мере Ардзинба-востоковед помогал Ардзинбе-политику и полководцу, однако сам факт такой взаимосвязи для меня лично несомненен. В доказательство своей мысли я приведу лишь один пример. Съезд народных депутатов, 1989 год. Владислав Ардзинба – глава Комитета по автономным образованиям, активный участник затеянного Горбачевым Новоогаревского процесса по реформированию Советского Союза. В одном из своих выступлений Ардзинба обращается к Советскому съезду с призывом реформировать СССР на справедливых основах. Для убеждения депутатов он приводит древнехаттскую ритуальную формулу, использовавшуюся при постройке нового здания. Постройка здания – перестройка отжившего свой век государства – аналогии очевидны. Депутаты, скорее всего, приняли это изречение за какую-то кавказскую поговорку. Но это был завет из четырехтысячелетнего прошлого. Он звучал примерно так: «Поместите в фундамент нового дома благой камень, не кладите в фундамент дома недобрый, злой камень». Судьба СССР нам известна, что может свидетельствовать о качестве его фундамента. Напротив, есть полная уверенность в том, что в фундамент абхазского дома Владиславом Григорьевичем Ардзинба заложен благой камень, гарантирующий развитие и процветание нашего дома – Абхазии.

Литература.

- Ардзинба В.Г. 1969. О происхождении некоторых элементов хеттской социальной структуры. В: *АН СССР, Институт востоковедения. Конференция аспирантов и молодых научных сотрудников.* Москва.
- 1970. К вопросу о хеттском царе и «царице-матери». В: *Сборник статей преподавателей и аспирантов Сухгоспедиинститута.* Сухуми: Алашара, с. 86-107.
- 1974. Some Notes on the Typological Affinity Between Hattian and North-West Caucasian (Abkhazo-Adygian) Languages. In: *"International Tagung der Keilschriftforscher der sozialistischen Länder", Budapest, 23.-25. April 1974. Zusammenfassung der Vorträge (Assyriologica 1).* Budapest, S. 10-15.
- 1979. Некоторые сходные структурные признаки хаттского и абхазо-адыгских языков. В: *Переднеазиатский сборник. III. История и филология стран Древнего Востока.* Москва: Наука, Главная редакция восточной литературы, с. 26-37.
- 1982. *Ритуалы и мифы древней Анатолии.* Москва: Наука.
- 1983. Послесловие. О некоторых новых результатах в исследовании истории, языков и

- культуры древней Анатолии. В: *Дж. Г. Маккуин. Хетты и их современники в Малой Азии*. Москва: Наука, с.152-182.
- 1984. Хурритский рассказ об охотнике Кесси. В: *Кавказско-ближневосточный сборник*. Вып. VII. Тбилиси, с. 61-73.
- 1985. Нартский сюжет о рождении героя из камня. В: *Древняя Анатолия*. Москва: Наука, с. 128-168.
- 1987. Хеттская дипломатия. В: *Межгосударственные отношения и дипломатия на Древнем Востоке*. Москва, с. 90-131.
- 1987а. Послесловие. В: *О. Герни. Хетты*. Москва: Наука, с. 192-222.
- 1987б. Приметы образа «пастуха» абхазских нартских сказаний. В: *Труды Абхазского государственного университета*, т. 5, с. 131-135.
- 1988. Хеттская культура, религия и искусство. В: *История Древнего Востока, Часть вторая*. Москва.
- 1988а. История Малой Азии. В: *История стран Востока*. Москва: Высшая школа.
- 1988б. К истории имени, функции и образа общезападнокавказского бога кузнеца. В: *Медные рудники Западного Кавказа III-I тыс. до н.э. и их роль в горно-металлургическом производстве древнего населения. Тезисы докладов Башкапсарского полевого археологического семинара (Сухуми – Башкапсара, 1988 г.)*. Сухуми, с. 62-64.
- 1988в. К истории культа железа и кузнечного ремесла (почитание кузницы у абхазов). В: *Древний Восток: этнокультурные связи*. Москва: Наука, с. 263-306.
- 1989. Цивилизация древней Малой Азии. В: *Древние цивилизации*. Москва: Мысль, с. 118-133.
- Дунаевская И.М. 1960. О структурном сходстве хаттского языка с языками северо-западного Кавказа. В: *Исследования по истории культуры народов Востока. Сборник в честь академика Н.А. Орбели*. Москва-Ленинград, с. 73-77.
- Дьяконов И.М. 1967. *Языки древней Передней Азии*. Москва.
- Bleichsteiner R. 1923. Zum Protohattischen. In: *Berichte des Forschungs-Institutes für Osten und Orient*, Bd III, S. 102-106.
- Chirikba V.A. 1996. *Common West Caucasian. The Reconstruction of its Phonological System and Parts of its Lexicon and Morphology*. Leiden: CNWS Publications.
- Girbal Ch. 1986. *Beiträge zur Grammatik des Hattischen*. Frankfurt am Main, Bern, New York: Verlag Peter Lang.
- Mészáros J. von. 1934. *Die Päkhy-Sprache*. Chicago, Illinois: The University of Chicago Press, The Oriental Institute of the University of Chicago. Studies in Ancient Oriental Civilisations, no. 9.